

ционные меры дают повод внешнему миру обвинять СССР в желании ликвидировать концессии, отменить односторонним актом договор с Японией и тем довести дело до военного конфликта. ЦК ВКП разъясняет, что подобная провокационная практика идет вразрез с политикой партии и играет наруку милитаристским элементам Японии. ЦК ВКП обязывает вас и обком принять срочные меры по ликвидации подобной провокационной практики. И. Сталин»¹.

Когда министр иностранных дел Японии Иосида был с визитом в Великобритании, генсек направил 14 мая 1938 г. полпреду в Лондоне И.М. Майскому шифровку: «Не избегайте встречи с Иосидой и в случае свидания с ним выслушайте его внимательно. Попросите его изложить конкретные меры улучшения отношений между Японией и СССР. Заявите, что СССР тоже стремится к улучшению отношений. О последующем сообщите»².

Дальнейшее развитие советско-японских отношений хорошо известно, в том числе — назревание угрозы нападения Японии на СССР, ее тесный союз с гитлеровской Германией, образование оси Берлин — Рим — Токио, вступление Союза СССР в августе 1945 г. в войну с Японией и ее итоги.

з) «Восток — дело тонкое...»

Рассмотрим некоторые не публиковавшиеся ранее источники, связанные с советско-китайскими отношениями.

Генсек требовал, чтобы наши дипломаты строго следовали установкам ЦК партии и Совнаркома СССР. В качестве иллюстрации можно привести следующий документ.

Поддерживая во многих случаях ответственного работника НКВД Л.М. Карахана, дослужившегося до поста заместителя наркома, Сталин вместе с тем критически оценивал некоторые действия этого дипломата, в частности, во время его работы полпредом СССР в Китае. 22 сентября 1926 г. генсек направил секретарю ЦК партии В.М. Молотову шифровку, в которой

¹ Там же. Ф. 558. Оп. 1. Д. 58. Л. 21 (машинописная копия, подпись — автограф); Л. 22—24 — автограф Сталина. На л. 24 автор указал время отправки: 7/IV—38 г.

² Там же. Оп. 11. Д. 58. Л. 33. Автограф — Л. 34.

критически оценил некоторые рекомендации Карахана китайскому правительству, расхопившиеся с позицией советского руководства. «Карахан не имеет права давать такие советы без санкции Москвы. Нахальство Карахана не имеет пределов»¹, — писал Сталин.

И тем не менее нелишне заметить, что по отношению к Карахану не было сделано никаких оргвыводов, не было вынесено никаких взысканий. Он продолжал оставаться полпредом в Китае до 1927 г., а заместителем наркома по иностранным делам оставался до 1934 г. И лишь в 1937 г. стал, как и многие другие ответственные работники, жертвой репрессий.

В связи с событиями в Маньчжурии в 1932 г. осложнились отношения СССР с Китаем. Правительства обоих государств искали пути их урегулирования. Китайский посол Ван в Москве обратился к ответственному сотруднику НКВД Козловскому с письмом, текст которого Каганович 26 июня 1932 г. переправил Сталину. В нем говорилось: «Я имею честь сообщить Вам, что в целях закрепления дружбы между Китаем и Союзом ССР, китайское правительство будет делать правительству Союза ССР важное предложение. В виду этого я обращаюсь к Вам, господин Козловский, с просьбой назначить время для нашего срочного свидания...». Сталин 27 июня ответил Кагановичу и Молотову: «Пусть Козловский назначит Вану время для свидания, не мешает дать в печать краткое сообщение о том, что Ван предложил свидание Козловскому и получил на это согласие»².

26 июня Молотов, Каганович, Ворошилов и Орджоникидзе направили Сталину шифровку следующего содержания: «1. Кит-делегат Иен в Женеве обратился к Литвинову в порядке зондажа с вопросом, не думает ли последний, что заключение пакта³ было равносильно восстановлению отношений или подготовило бы почву для этого.

Литвинов считает заключение пакта с Нанкином желательным. Он считает также целесообразным восстановление отношений, если Нанкин не будет ставить никаких условий в

¹ Там же. Д. 70. Л. 51.

² Там же. Д. 77. Л. 106.

³ Речь идет о пакте о ненападении (см.: ДВП. Т. XV. С. 780—781).

отношении Маньчжурии и даст нам удовлетворение за разрыв отношений и налет на посольство и консульство.

2. Ван в Москве обратился с письмом к Козловскому (текст нами уже приведен. — С.Х.).

3. Мы считаем необходимым послать Литвинову следующую телеграмму: «Мы считаем заключение пакта до восстановления отношений невыгодным, ибо китайцы несомненно хотят через пакт связать нашу маньчжурскую политику и таким путем вопрос о восстановлении отношений обусловить нашим отношением к Маньчжурии ...следует проявить сдержанность... Но если китайцы внесут предложение, ничем не обусловленное, совпра его рассмотрит внимательно.

4. Козловский должен заявить Вану, что он не уполномочен вести какие-либо переговоры, и пусть Ван позицию его правительства изложит в письменной форме»¹.

Сталин ответил 28 июня 1932 г.: «Согласен, что в отношении Нанкина нужна сдержанность, но позицию сдержанности нужно проводить так, чтобы не получилось отталкивание нанкинцев в объятия Японии. Этот вопрос, как и вопрос о наших отношениях с Америкой, имеет прямое отношение к вопросу о нападении Японии на СССР. Если Япония благодаря вашей излишней сдержанности и грубости к китайцам заполучит в свое распоряжение нанкинцев и создаст единый фронт с ними, а от Америки получит нейтралитет, — нападение Японии на СССР будет ускорено и обеспечено. Поэтому сдержанность в отношении нанкинцев, а также американцев не должна превращаться в грубость и отталкивание, не должна лишать их надежды на возможность сближения. В связи с этим надо быть по возможности вежливым и ласковым к Вану, внимательно заслушать его и так дальше, а директиву для Литвинова надо смягчить, сказав, что СССР, по мнению Литвинова, не будет возражать против немедленного восстановления отношений без всяких условий, после чего пакт о ненападении придет как естественный результат восстановления отношений. Это, во-первых. Во-вторых, мы должны давить на японцев перспективой сближения СССР с Нанкином и Америкой, чтобы за-

¹ Там же. Л. 112. Иен — Янь Хой-цин, представитель Китая в Лиге наций. В г. Нанкин китайское правительство Чан Кайши находилось в 1927—1937 и 1946—1949 гг. (в 1937—1945 гг. — под японской оккупацией).

ставить их поторопиться с заключением пакта с СССР. В связи с этим нужно дать в нашу печать краткое сообщение о свидании Вана с Козловским, а через несколько дней после этого дать сообщение в нашу или немецкую печать о банкете, устроенном в Москве американцу Поппу.

Сталин»¹.

1 июля 1932 г. Каганович сообщал в Сочи Сталину для сведения, что «29-го Ван был принят Козловским и сообщил, что Нанкинпра² намерено заключить с СССР пакт о ненападении, что означает одновременно восстановление нормальных дипломатических отношений. Козловский заявил, что Совпра³ не будет возражать против немедленного восстановления отношений без всяких условий, после чего пакт придет как естественный результат восстановления отношений... В заключение Ван пытался выяснить нашу позицию в отношении Маньчжоу-Го, но Козловский уклонился от разговоров на эту тему»⁴.

Молотов и Каганович 3 июля послали новую депешу. Они сообщали Сталину, что китайский представитель в Лиге наций Иен 1 июля вручил Литвинову письмо, в котором китайское правительство предлагает заключить пакт, не связывая это с предварительным восстановлением отношений. Литвинов — за принятие нанкинского предложения, но предполагает включить в пакт такие статьи, которые потребуют длительной дискуссии и таким образом затянуть его заключение. Нанкин хочет связать нас в отношении с Манчжоу-Го или прощупать нас. ПБ за то, чтобы сохранить прежнюю позицию. Но это не должно означать разрыва или перерыва в переговорах⁵. Сталин выразил свое согласие⁶.

¹ Там же. Л. 110—111. *Автограф*. Предложения Сталина были выполнены. Литвинову была послана соответствующая телеграмма (ДВП. Т. XV. С. 392—393). В «Известиях» 1 июля было опубликовано сообщение о встрече Б.И. Козловского с Ван Цзенсы. Затем, в декабре 1932 г., были восстановлены дипломатические и консульские отношения между СССР и Китаем (ДВП. Т. XV. С. 680).

² Нанкинское правительство.

³ Советское правительство.

⁴ Там же. Л. 131. Реакция Сталина на это сообщение в архиве отсутствует.

⁵ Там же. Д. 78. Л. 4.

⁶ Там же. Л. 2. Датировано 4 июля.

В конечном счете переговоры о заключении договора о ненападении закончились неудачей, но дипломатические отношения с Китаем были в декабре 1932 г. восстановлены.

Сталин поддерживал попытки усилить влияние СССР в провинциях Китая, граничащих с нашей страной. Одним из таких районов был Синьцзян. В 1933—1937 гг. там действовал представитель НКВД СССР Г.А. Аapresов¹. Выполняли свою миссию там и советские чекисты. Находясь в отпуске в 1935 г., Сталин нашел возможность встретиться с нашим представителем. 4 сентября он сообщал Молотову и Кагановичу: «Виделся с Аapresовым...». Он внес три предложения по Синьцзяну: 1) о займе 2 млн руб. на 2—3 года; «2) Можем ли мы под фирмой синьцзянского правительства помочь разработать нефтеносные участки поблизости от наших границ»; 3) надо «чтобы СССР был представлен в Синьцзяне только Аapresовым, а чекисты наши в Синьцзяне отказались от хозяйничания и во всем подчинялись Аapresову. Я думаю, что на все три вопроса следует дать положительный ответ. Подробнее сообщит Ворошилов по приезду в Москву»².

Спустя неделю, 11 сентября, Каганович, Молотов и Ворошилов сообщили Сталину, что в этот день заслушали Аapresова по синьцзянским вопросам «в духе Вашей телеграммы». «Считаем необходимым наградить Аapresова орденом Ленина»³. Сталин отреагировал: «Против награждения Аapresова не возражаю. Сталин»⁴.

Официальная точка зрения советского руководства об отношении к этой китайской провинции была выражена председателем СНК СССР В.М. Молотовым на VII съезде Советов в январе 1935 г. Он назвал обвинения в адрес Советского Союза проявлением «клеветнических слухов о советизации Синьцзяна»⁵. Однако приведенная нами весьма высокая оценка деятельности нашего представителя в Синьцзяне ставят под сомнение слова главы советского правительства.

¹ Аapresов Г.А. — в 1933—1937 гг. генеральный консул СССР в Урумчи (Синьцзян).

² Там же. Д. 89. Л. 38—38 об. *Автограф*.

³ Там же. Л. 96.

⁴ Там же. Л. 93.

⁵ Документы внешней политики СССР. Т. XVIII. С. 45.

Документов о дальнейшем развитии советско-китайских отношений в доступных для нас материалах архивного фонда И.В. Сталина нами не обнаружено.

В целом официальная позиция руководства СССР по отношению к Китаю нашла отражение в соответствующих томах «Документов внешней политики СССР».

Восточным соседом нашего государства является Монгольская народная республика, образованная в 1924 г. (в 1921 г. возникло независимое монгольское народное государство на территории Внешней Монголии).

В связи с событиями в Китае обострилась в начале лета 1932 г. и обстановка в МНР. Об этом сообщали Сталину в июне этого года в подробной телеграмме Молотов, Ворошилов и Каганович: «Положение в Монголии в последнее время резко ухудшилось. 30 мая весь гарнизон Цедерлика из 1195 чел. при 500 винтовок восстал, ликвидировал власть, освободил арестованных 400 повстанцев. К ним присоединились посты за городом в составе 70 чел. Из Урги¹ отправлен на машинах отряд в 100 чел. ургинского гарнизона. В Урге осталось 100 чел. кадрового состава, на верность которых полностью положиться нельзя... Отряды, подавляющие восстания, крайне утомлены... Нужно ждать вспышек восстания в новых районах... Охтин считает, что без нашей помощи им наличными силами не справиться с восстанием...

Монгольская комиссия Ворошилова... приняла ряд решений хозяйственного и военного характера». Авторы телеграммы просили Сталина высказать мнение о переброске в Улан-Батор в распоряжение монгольского правительства 500 чел. монголо-бурятский кавдивизион, включив в него «150 наших людей». Кроме этого послать один наш кавдивизион, стоящий в Троицко-Савске в составе 750 чел. для охраны военного имущества, правительства и других учреждений².

Последовал ответ Сталина Поскребышеву. «Для Молотова, Ворошилова, Кагановича. Первое. Шифровку о Монголии получил. Последние телеграммы сообщали об успехах, поэтому непонятно столь неожиданное и резкое ухудшение. Либо те-

¹ Урга — до 1924 г русское название столицы МНР Улан-Батора.

² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 77. Л. 36—37. Автограф — Л. 38—41. Внизу помета: «Поступило 10.VI.32 г.».

леграммы об успехах были неправильны и авторы их вводили нас в заблуждение, либо нынешнее сообщение Охтина не вполне правильно и намеренно сгущает краски, чтобы втянуть нас в рискованное дело. Второе. Непонятна также роль нашего военного представителя товарища Шико. Где он, чем занят, в чем выражается его работа и почему он не информирует нас? Кто руководит и кто по правилу должен руководить операциями против повстанцев, — Охтин, чекисты или Шико? Не пора ли монгольской комиссии ЦК разобраться в этом важном вопросе? Если Шико не годится, не пора ли заменить его более опытным военным представителем? Третье. Считаю рискованной посылку наших войск в Монголию на основании информации Охтина, человека неопытного как в политическом, так и, особенно, в военном отношении. Монголия и Бурят-Монголия — не одно и то же. Поспешное и недостаточно подготовленное решение в этом деле может развязать конфликт с Японией и дать базу для единого фронта Японии, Китая, Монголии против СССР. Было бы неправильно думать, что события в Монголии останутся секретом для внешнего мира. О них будут кричать сами монголы, китайцы, японцы, европейская пресса. Нас будут изображать оккупантами, борющимися против восстающего монгольского народа, а японцев и китайцев — освободителями. Боюсь, что нынешняя обстановка в Монголии может навязать нашим войскам не свойственную им роль оккупантов, идущих против большинства населения. Мне кажется, что теперь уже поздно начинать дело с военного подавления. Формула «сначала подавить, а потом изменять политический курс», теперь уже нецелесообразна. Дело нужно начать с изменения политического курса. Этот акт должно проделать монгольское правительство. Только такой акт может создать перелом, расколоть повстанцев и вернуть монгольскому правительству утерянную политическую базу. После такого политического шага нетрудно будет изолировать и подавить крайних контрреволюционеров. При такой комбинации помощь наших, хорошо замаскированных, войск можно будет провести одновременно и незаметным образом. Четвертое. Советую немедленно и в самом секретном порядке вывезти из Монголии в СССР все и всякие документы, шифровки, протоколы, бумаги, свидетельствующие о работе советских лю-

дей и представителей СССР в Монголии. Это абсолютно необходимо при всяких условиях.

Сталин»¹.

Этот документ показывает, насколько глубже и разумнее анализировал Сталин обстановку в Монголии, чем Молотов, Ворошилов и Каганович, насколько продуманнее были предложения генсека по выходу из создавшейся в МНР ситуации летом 1932 г. Дальнейший ход событий показал перспективность предложенных Сталиным мер. Их реализация не позволила правящим кругам Японии и гоминдановского Китая выступить единым фронтом против СССР.

Быть весьма осторожными призывал генсек и по отношению к колониальным народам, в частности, к Индии.

3 июня 1930 г. на имя Сталина поступило письмо от секретаря ЦК компартии Таджикистана Гусейнова. В нем говорилось: «От первого учредительного съезда компартии Таджикистана, открывающегося 5 июня, намечаем послать приветственную тел[еграм]му компартии, пролетариату и трудящимся Индии с пожеланием скорейшего освобождения, также компартии Великобритании...»

Просим разрешения».

Сталин ответил 4 июня: «Считаем нецелесообразным»².

Надо полагать, что Таджикистан и Индия с многомиллионным населением — это разные, несопоставимые величины, и вообще призывы таджикских коммунистов «к скорейшему освобождению» Индии могли быть неправильно поняты.

Учитывать национальные моменты Сталин призывал и при подборе кадров на дипломатическую работу. Еще в 1919 г., находясь в Смоленске, он направил (19 августа) письмо Г.В. Чичерину (копия была послана Ленину для ЦК), по этому вопросу.

Нарком по делам национальностей пишет, что мусульманские делегаты (афганцы, персы и др.) упорно обходят Карахана (зам. наркома иностранных дел), а значит — и наркоминдел, предпочитают говорить с автором письма, либо обычно бе-

¹ Там же. Л. 42—45. *Автограф*. Документы не датированы. Охтин А.Я. — в 1927—1931 гг. полпред СССР в Монголии, в 1932—1933 гг. — уполномоченный ЦК ВКП(б) в Монголии. Шико (Шеко) — советник при военном министре МНР.

² Там же. Д. 63. Л. 58.

седуют со Стасовой (секретарем ЦК РКП(б)), «доверяя ей свои думы». Дело в том, что Карахан — армянин, а к армянам «мусульмане вообще, турки же в особенности, питают максимум недоверия». Наличие его в НКИД «режет слух и нарушает гармонию в нашей восточной политике, ослабляет силу и эффект нашей политики в глазах народов Востока и прежде всего мусульман».

Будучи в Москве, Сталин говорил об этом с Лениным, предлагая поставить вопрос в ЦК о замене Карахана кем-либо из мусульман. Назывался в том числе Н.К. Нариманов¹. «Можно было бы еще в восточную группу включить Литвинова или Каменева или еще кого». Сталин настаивал на этом и считал нужным внести этот вопрос на обсуждение пленума ЦК². Однако Нариманов остался на партийно-советской работе в Азербайджане, Каменев остался председателем президиума исполкома Моссовета, М.М. Литвинов продолжал работать членом коллегии НКИД и лишь в 1921 г. занял пост заместителя наркома по иностранным делам. А что касается Карахана, то у него потом сложились дружественные отношения со Сталиным, и он оставался замом НКИД до 1923 г., а затем занимал этот пост в 1925—1934 гг. Так что предложения наркомнаца не получили практического осуществления, хотя сама постановка им этого вопроса имела в то время необходимое обоснование.

Отношения с мусульманскими странами оставались предметом особой заботы советского руководства.

Советское правительство и ЦК ВКП(б) прилагали усилия к сближению с нашей соседкой — Турцией. Осенью 1933 г. предполагался ответный визит в эту страну высокой правительственной делегации. Тщательно отработывался ее состав.

Первоначально намечались к поездке К.Е. Ворошилов и М.М. Литвинов, о чем Сталин и Ворошилов сообщали Кагановичу 19 сентября³. Но 6 октября Ворошилов сообщил Сталину, что Суриц и Литвинов считают, что делегацию в Турцию нужно пополнить представителями от культурных, научных и общественных организаций. Кроме того, предлагают послать

¹ Н.К.Н. оглы Нариманов — с 1920 г. председатель ревкома Азербайджана.

² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 824. Л. 3—5. Подлинник — Л. 6—6 об.

³ Там же. Д. 81. Л. 18. Турецкая делегация посетила СССР в июле 1933 г.

Буденного на праздник десятилетия победы кемалистской Турции. Молотов, Каганович и Ворошилов считают также, что туркам следовало бы подарить три самолета-разведчика. Каганович предложил преподнести правительству один пассажирский самолет, с чем Ворошилов согласен¹.

Сталин в тот же день ответил Ворошилову: «Насчет Турции согласен с тобой, а также с предложениями Сурица и Кагановича»².

И наконец, 7 октября Каганович, Молотов и Ворошилов сообщили генсеку состав делегации для поездки в Турцию: Ворошилов, Литвинов, нарком просвещения РСФСР А.С. Бубнов, С.М. Буденный, вице-президент АН СССР, зам. наркома просвещения РСФСР Г.М. Кржижановский, М.Е. Кольцов (от «Правды») и Раевский (от «Известий»). 8 октября Сталин сообщил о своем одобрении этого состава³.

Однако вскоре в составе делегации последовали изменения. Дело в том, что в связи с предстоящим признанием Советского Союза Соединенными Штатами Америки было решено направить в Вашингтон наркома по иностранным делам М.М. Литвинова (см. об этом выше). Требовалась его замена для поездки в Турцию. Об этом глава предполагаемой делегаций К.Е. Ворошилов писал Сталину 19 октября 1933 г.: «В связи с Америкой поездка Литвинова в Турцию отпадает. В нашей делегации почти все “безязыкие”. Прошу поддержки о включении в делегацию Пятакова. Молотов, Каганович и Серго согласны.

Вместо Литвинова едет Карахан».

Сталин 20 октября выразил свое согласие с этими предложениями⁴.

Поездка делегации СССР в Турцию состоялась в октябре—ноябре 1933 г. Затем было решено одного из членов делегации — все того же Карахана назначить полпредом СССР в этой стране.

Каганович и Молотов сообщали Сталину 31 июля 1934 г., что Кемаль приедет в Анкару в середине августа и тогда смо-

¹ Там же. Л. 103.

² Там же. Л. 104.

³ Там же. Л. 111.

⁴ Там же. Д. 82. Л. 18.

жет принять Карахана. Было решено, чтобы Карахан в августе выехал в Турцию с тем, чтобы в отпуск мог уйти в сентябре. Сталин с этим согласился¹.

В это время начались переговоры о заключении пакта о ненападении между СССР, Турцией и Афганистаном. Однако генсек считал, что не нужно торопиться с его подписанием. Об этом он сообщал Кагановичу 30 августа 1934 г. (среди других вопросов): «Насчет советско-турецко-афганского пакта я уже писал, что надо отложить»².

Проект каждого соглашения с той или иной страной Сталин рассматривал очень внимательно, с позиций извлечения из этого соглашения выгоды для своего государства. К примеру, Каганович и Молотов сообщали 3 сентября 1935 г. генсеку, о том, что муниципалитет Истанбула [Стамбула] обратился в торгпредство СССР в Турции с предложением принять участие в торгах на постройку моста через Босфор, соединяющего два района города. Пятаков и Элиава вошли с предложением разрешить Наркомтяжпрому и НКВТ принять участие через Экспортстрой. «Считаем возможным принять это предложение», — заключили авторы послания. Сталин ответил 4 сентября: «Я решительно против участия в торгах по постройке моста в Стамбуле. Выгоды никакой ввиду неттобаланса, а затраты придется нам производить реальными материалами»³.

На другой день Каганович отрапортовал: «По всем Вашим телеграфным предложениям, в том числе и о Стамбульском мосте сегодня приняли решения»⁴.

Итак, в который раз Каганович и Молотов попали впросак, идя на поводу у отдельных хозяйственников.

Не без участия Сталина рассматривались и решались принципиальные вопросы отношений с Персией (с 1935 г. — Ирана).

Генсек был против вмешательства СССР и его отдельных республик во внутренние дела этого государства в период, когда там в 1925 г. началось восстание одного из племен — иому-

¹ Там же. Д. 83. Л. 2. Ататюрк Мустафа Кемаль — первый президент (1923—1938) Турецкой республики.

² Там же. Д. 84. Л. 58—59. Автограф Сталина, но его подписи нет.

³ Там же. Д. 89. Л. 30. Автограф.

⁴ Там же. Л. 32.

дов. Данный вопрос стал предметом обсуждения на заседании Политбюро ЦК РКП(б), проходившем 21 мая 1925 г. под председательством И.В. Сталина. По докладу Г.В. Чичерина и секретаря Средазбюро ЦК РКП(б) И.А. Зеленского Политбюро поручило Чичерину заявить о полной непричастности СССР к восстанию иомудов и выразить готовность помочь его ликвидации персидским правительством. Правительству Туркменистана (соседа Персии) было поручено обратиться к населению с предложением «соблюдать строжайший нейтралитет»¹. Вместе с тем руководство СССР во главе со Сталиным во взаимоотношениях с Персией отстаивало интересы своего государства.

Так, в начале осени 1933 г. возникли сложные вопросы, касавшиеся границы СССР с Персией и судьбы КВЖД. Об этом информировал Сталина Каганович. Сталин ответил 18 сентября: «Такие вопросы, как угроза захвата КВЖД или изменение границ с Персией нельзя решать в обычном порядке. Нужно было обязательно запросить всех отсутствующих членов ПБ. Мое и Ворошилова мнение получите сегодня»². И действительно в тот же день они ответили: «...Мы решительно против всяких разговоров об уступке территории персам. После бойкота со стороны персов такая уступка будет учтена как премия за бойкот...»³.

В тот же день Каганович сообщал, что предложение о КВЖД и Персии — это проект, а не решение. «В дальнейшем учтем Ваше указание о запросе всех отсутствующих членов П.Б.»⁴

Сталин внес коррективы и в объемы торгового оборота с Персией. 23 сентября 1933 г. он писал на имя Кагановича и Молотова: «Из материалов видно, что комиссия Рудзутака планирует увеличение оборота с Персией, имея в виду продажу Персии большого количества сахара, мануфактуры. Я думаю, что это дело не выйдет. Больше двадцати миллионов экспортно-импортного оборота мы не подыдем. Романтик Элиава этого не понимает. Но мы должны это понять. Сахар и мануфактура понадобятся для собственного рынка, который уже стал

¹ Там же. Ф. 17. Оп. 3. Д. 504. Л. 3.

² Там же. Ф. 558. Оп. 11. Д. 81. Л. 2. *Автограф.*

³ Там же. Л. 7.

⁴ Там же.

очень требовательным ввиду большого урожая. Покупать сахар для Персии за границей глупо, так как подобная операция до сих пор ничего кроме минусов не давала»¹.

Сталин обосновал целесообразность сокращения торгового оборота с Персией, в частности, в телеграмме от 23 сентября 1933 г., где он предложил этот оборот ограничить объемом в 20 млн руб.

22 октября Каганович и Молотов сообщили генсеку, что они дали указание Элиаве предупредить торгпреда в Персии об уменьшении торгового оборота. Но Шестак (торгпред СССР) и Карахан от имени советского правительства сообщили общую сумму наших закупок в Персии в 25 млн руб. Отказ от подтверждения Караханом объема закупок «может озлобить персов и поставит нас в неудобное положение».

В тот же день Сталин ответил: «Нужно наказать Карахана и Элиаву за нарушение директивы и расточительность, а сумму 25 миллионов придется оставить с тем, чтобы на деле выполнить 20 миллионов»².

Вот «мудрый» выход, найденный генсеком: сумму 25 млн в соглашении сохранить, а практически выйти на сумму 20 млн руб., предложенную в его директиве от 23 сентября, одобренной Политбюро.

Непростым оказался осенью 1933 г. вопрос о наших взаимоотношениях с Грецией и Ираком и в связи с этим — с Великобританией.

22 сентября Каганович и Молотов сообщали Сталину, что Литвинов прислал записку о пакте с Грецией и Ираком. В ней он писал, что Рушди-Бей, не спрашивая нас, убедил греков в необходимости заключить с СССР пакт подобно советско-французскому или советско-итальянскому. Мы неоднократно заявляли о нашей готовности заключить пакты со всеми государствами. Литвинов считал неудобным и нецелесообразным уклоняться от пакта с Грецией, тем более, что она может считаться нашей ближайшей морской соседкой и являлась единственной балканской страной, с которой у нас имелись нормальные отношения.

¹ Там же. Л. 46—48. *Автограф.*

² Там же. Д. 82. Л. 34.

Кроме того, в записке сообщалось, что Персия была намерена заключить пакт о ненападении с Ираком. Но Турция могла это допустить лишь при условии собственного участия в таком пакте. Ирак в то время находился под фактическим протекторатом Англии. Рушди выдвинул идею пакта Турции, Персии, Ирака и Англии. Это усилило бы Англию на Ближнем Востоке и могло бы политически сблизить Турцию с Англией. Рушди-бей просил нашего согласия на этот пакт и был готов даже поставить условием наше участие в пакте или возобновление отношений между СССР и Ираком.

Литвинов считал очевидным, что намечавшийся пакт не отвечает нашим интересам. Тем не менее мы могли бы дать условно согласие на наше участие в пакте. Но Англия, без сомнения, нашего участия ни в коем случае не допустила бы, если даже пошла бы вообще на предлагаемый Турцией пакт. Таким образом, отмечал Литвинов, пакт мог быть сорванным.

Авторы записки считали, что лучше бы оба вопроса отложить до поездки нашей делегации в Турцию¹.

Сталин в тот же день ответил: «Лучше оба вопроса отложить до возвращения нашей делегации из Турции. Рушди-бею надо сказать, что мы не намерены поручать ему наше представительство перед Грецией и Ираком и он не должен ставить нас перед фактом, если не хочет, чтобы мы его когда-либо оскандалили на весь мир. Сталин»².

Данный вопрос получил свое продолжение в следующие недели.

26 октября 1933 г. Сталин направил письмо Молотову и Кагановичу. Предполагаемый глава советской делегации для визита в Турцию — Ворошилов — послал из Днепропетровска на имя Сталина шифровку, в которой просил дать ответ на письмо Литвинова о пактах с Грецией и Ираком от 14 октября. Эти вопросы, сообщал Ворошилов, турки ставили еще два месяца назад. «Уклоняться же от этих вопросов, — писал Климент Ефремович, — под предлогом того, что я военный, не могу, т.к. со мной едет отв. представитель НКВД т. Карахан, ведающий этими вопросами. Если нам эти пакты не нужны,

¹ Там же. Д. 81. Л. 36. Рушди-бей — глава правительства Ирака.

² Там же. Л. 36—36 об.

то лучше дать прямо отрицательный ответ, чем не дать никакого ответа».

Пересылая в Москву эту шифровку Ворошилова, Сталин сделал заключение: «Свое мнение к указанным пактам я сообщил вам в шифровке от 22 сентября за № 1709/ш. Другого мнения у меня нет. О чем сообщите т. Ворошилову»¹.

Стало быть, по мнению генсека, лучше вопрос отложить до возвращения нашей делегации из Турции.

Предполагаемый пакт в силу ряда причин так и не был заключен.

и) Западные соседи

Среди западных соседей нашего государства особое внимание советское руководство уделяло Польше. После окончания советско-польской войны (1921) отношения с этой страной стали постепенно нормализовываться, хотя бывали эксцессы. Так, иногда отдельные группы поляков совершали нападения на советско-польскую границу. Это произошло, в частности, летом 1925 г. Данный факт стал предметом обсуждения на заседании Политбюро ЦК РКП(б) 13 июля 1925 г.

Было решено направить нашим заграничным шифротелеграмму следующего содержания. «В связи с налетом поляков на нашу границу выступления нашей печати, особенно на Украине, крайне воинственны по отношению к Польше, что противоречит линии партии на деловое экономическое сближение с Польшей». Предлагалось «подчеркивать, что ответственность за налеты лежит на враждебных СССР элементах Англии, втягивающих против нас враждебные польские элементы»².

Взаимоотношения Польши с СССР приобрели тенденцию к ухудшению в 1926 г., после установления режима Ю. Пилсудского. На это обратил внимание председатель ОГПУ, поляк по национальности Ф.Э. Дзержинский. Он подготовил специальный документ, проникнутый заботой об укреплении безопасности советского государства. Этот документ был написан за 9 дней до его внезапной кончины. Приводим его полностью.

¹ Там же. Д. 82. Л. 52.

² Там же. Ф. 17. Оп. 3. Д. 511. Л. 13.